

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ С С С Р

В. В. ПИМЕНОВ

К ИСТОРИИ СЛОЖЕНИЯ ТИПОВ ПОСЕЛЕНИЙ В КАРЕЛИИ

Изучение истории поселений в пределах Карелии представляет определенные трудности. Карелия издавна заселена, помимо карелов, русскими (в Поморье, Пудожском крае, на Заонежском полуострове и т. д.) и вепсами (в юго-западном Прионежье). Сами карелы в языковом и этнокультурном отношении не представляют единства, а подразделяются на три группы — собственно карелов, ливвиков и людиков¹. История и классификация традиционных поселений теперь уже сравнительно хорошо разработаны, тогда как недавно возникшие населенные пункты этнографическому изучению не подвергались и не классифицировались. Наконец, состояние источников таково, что одни периоды истории поселений отразились в них сравнительно полно, другие же — весьма слабо.

Для изучения наиболее ранних этапов истории края источником служат археологические материалы из стоянок эпохи позднего мезолита, неолита и раннего железа. Поселения, в которых жил народ, оставивший курганные захоронения IX—XI вв. в южной Карелии, не раскапывались, и судить о них приходится лишь по косвенным данным.

Интересные, но слишком отрывочные свидетельства могут быть почерпнуты из средневекового актового материала; особенно ценны сведения, содержащиеся в писцовых книгах XV—XVII вв. по северным новгородским пятинам — Обонежской и Водской².

Начиная с последней трети XVIII в. объем источников значительно возрастает: помимо упоминаний в литературе и документах, имеется значительное количество описаний отдельных поселений и, наконец, с этого времени мы получаем в свое распоряжение источник совершенно исключительной важности — карты и планы. Нужно, впрочем, учесть, что известные нам планы по преимуществу относятся уже к 60—70-м годам XIX в.; они вычерчивались в связи с наделением землей государственных и частновладельческих крестьян, что оформлялось составлением межевых книг с приложением планов земельных угодий, на которые в ряде случаев наносились деревни, погосты и т. д.³

¹ См. Д. В. Бубрих, Происхождение карельского народа, Петрозаводск, 1947.

² М. В. Витов, Историко-географические очерки Заонежья XVI—XVII веков, М., 1962.

³ Нами просмотрено более 100 таких планов и карт, хранящихся в Центральном государственном архиве Карельской АССР (в дальнейшем — ЦГА КАСР), ф. 33.

Некоторое количество описаний отдельных поселений имеется в литературе конца прошлого и начала текущего столетий, а также в более поздних работах финских и советских этнографов⁴. Существенным дополнением к накопленным прежде материалам служат данные, полученные в результате работ последних лет этнографическими экспедициями Карельского филиала АН СССР и Государственного краеведческого музея КАСССР — планы поселений⁵, фотографии, описания и т. п.

Из сказанного видно, что и настоящая наша попытка представить общую картину развития поселений в пределах Карелии по необходимости должна носить характер, так сказать, предварительного эскиза, многие детали которого еще нуждаются в более основательной проработке.

Потребность сведения всех аспектов изучения поселений в единое целое побудила М. В. Витова составить новую систему классификации, которая представляется удачной и основательно аргументированной⁶. Этой классификации мы и будем здесь придерживаться.

* * *

Эпоха первобытнообщинного строя в Карелии (археологически — время позднего мезолита, а также неолита и раннего металла, V — I тысячелетия до н. э.) характеризуется наличием стоянок — поселений рыболовов и охотников. Стоянка обычно была невелика по размерам (в среднем 2—3 тыс. м²)⁷. Она служила местом обитания родственного коллектива, возможно, рода или его подразделения. Выделяются две разновидности этого типа поселений — постоянные стоянки и временные стойбища, обитаемые лишь в периоды сезонных промыслов. Все неолитические поселения Карелии по типу заселения представляют собою две разновидности — озерный и речной, что обусловлено, во-первых, преобладанием рыболовства в хозяйственной деятельности населения и, во-вторых, исключительным значением рек и озер как основных путей сообщения. Тип расселения определить чрезвычайно трудно, так как отсутствует достаточно точная абсолютная хронология памятников. Все же можно предположить, что поселения уже в ту пору располагались какими-то группами, хотя отдельные стоянки часто отстояли друг от друга на несколько километров (до 10 и более). Наконец, о планировке (форме) поселений говорить еще труднее. Бесспорных жилищ полужемляночного и земляночного типа открыто еще очень немного; временные жилища не сохранились вовсе. Учитывая некоторые косвенные данные (общий размер стоянок, озерный и речной типы заселения и проч.), допустимо лишь предположение о наличии беспорядочной планировки, хотя нельзя исключить и возможность бытования прибрежно-рядовых форм.

Поселения IX—XI вв., как было сказано, вовсе неизвестны. Но уже в XII в. на землях, близких к Карелии, зафиксирован своеобразный

⁴ Т. I. Itkonen. Suomensukuiset kansat [Хельсинки], 1922; I. Manninen, Die finnisch-ugrischen Völker, Leipzig, 1932; Toivo Vuorela, Suomensukuiset kansat, Helsinki, 1960; Д. А. Золотарев, В северо-западной Карелии, «Западнофинский сборник», Л., 1930, и др.

⁵ Имеется более 40 глазомерных планов. С материалами Северной экспедиции кафедр этнографии МГУ им. М. В. Ломоносова под руководством М. В. Витова, собранными в 1953—1954 гг., мы не имели возможности познакомиться.

⁶ М. В. Витов, Указ. соч., стр. 11 сл.; его же, О классификации поселений, «Сов. этнография», 1953, № 3.

⁷ Сообщено Г. А. Панкрушевым.

и характерный для Севера тип поселения — погост⁸. Упоминания и описания погостов на территории Карелии, начиная с XIV в., проходят через всю историю края⁹, а в бытовой речи населения слышатся иной раз и теперь («погост» — у русских, «pågast» — у карелов и вепсов).

Нет никакого сомнения в том, что как термин, так и самый тип поселения — русского происхождения. В карельскую и вепскую среду они проникли и укоренились в ней относительно рано, во всяком случае не позднее XIV в.

Первоначально население погоста-округа¹⁰, видимо, составляло сельскую общину; позднее границы общины сузились и внутри одного погоста функционировало несколько общин. В условиях феодально-крепостнического государства погосты, естественно, были превращены и в низшие фискальные и судебно-административные единицы¹¹. Наконец, на погосте-месте строили церковь, тогда как погост-волость составлял приход. Это последнее обстоятельство отразилось и в некоторых карельских эпических рунах, где имеются упоминания погостов, в частности одно чрезвычайно интересное упоминание «погостов без попов»¹².

Другой тип поселения представляет собой деревня («hiegu», «kulä»), также довольно часто упоминаемая в рунах¹³. Из письменных источников о деревнях в пределах Карелии мы узнаем лишь с третьей четверти XV в.¹⁴. Самая ранняя из дошедших до нас писцовых книг — книга Юрия Константиновича Сабурова 1496 г. — состоит из описаний входящих в погосты-волости деревень. Более поздние писцовые книги продолжают ту же традицию. То же самое находим и в актовых материалах¹⁵.

Слово «кюля» относится к весьма раннему лексическому слою. Этимологизировать его трудно. Оно встречается в том же значении в финском и вепском языках, причем в некоторых финских диалектах и в дальних родственных языках означает также и «дом»¹⁶. Создается впечатление, что первоначально оба значения этого термина должны были совпадать и обозначали, видимо, однодворную деревню. Слово «хиеру» чисто карельское, людиковское. Его этимология вообще не разработана.

Особый тип поселения, изредка встречающийся в позднесредневековых источниках, — село — по происхождению тесно связан с развитием феодальных отношений вообще, а на территории Карелии — с захватами «боярщин» новгородскими феодалами. С этнографической же точки зрения распространение термина может быть сопоставлено с рас-

⁸ М. И. Тихомиров и М. В. Щепкина, Два памятника новгородской письменности, М., 1952, стр. 19—21.

⁹ Материалы по истории Карелии XII—XVI вв. (в дальнейшем МИК), Петрозаводск, 1941, стр. 79, 89; Писцовые книги Оболенской пятины, Л., 1930; Временник Моск. О-ва истории и древностей Российских, 1851, кн. 11 и 12; Путешествия акад. Н. Я. Озерецковского по озерам Ладожскому, Онежскому и вокруг Ильмена, СПб., 1812, стр. 166—168.

¹⁰ Термин «погост» в писцовых книгах имеет два значения — центрального поселения и административного округа. В литературе принято эти понятия терминологически различать путем употребления выражений «погост-место» в первом случае и «погост-округ (волость)» — во втором.

¹¹ Л. В. Данилова, Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV—XV вв., М., 1955, стр. 56—57.

¹² Карельские эпические песни, М.—Л., 1950, стр. 376.

¹³ Там же, стр. 41, 91, 121, 371.

¹⁴ МИК, стр. 110.

¹⁵ Там же, стр. 151, 163, 165.

¹⁶ Л. Хакулинен, Развитие и структура финского языка, ч. II, М., 1955, стр. 24.

селением русских колонистов в Поморье и на Заонежском полуострове¹⁷. Это слово завезено сюда чиновниками губернского аппарата, священниками и т. п. Сами крестьяне никогда не называли свои поселения селами. И действительно, при ближайшем рассмотрении эти «села» оказываются сросшимися гнездами мелких поселений — деревень. Только в Карельском Поморье село представляет собой особый тип поселения. Поморское село вполне монолитно и никаких более мелких подразделений в себе не содержит¹⁸.

Городских поселений (или близких к этому типу) в Карелии возникло немного. Наличие их отражено в фольклоре: карельские эпические руны знают такие понятия, как «каменный город» (kivi linna), «каменная улица» (kivi katu), «многолюдный город», «крепостной (или городской) пёс» (linnan lukko)¹⁹ и т. п. Древнейшим городом, выросшим, как полагают, из племенного центра, был город Корела. Дата возникновения его неизвестна; в 1310 г. он был возобновлен и перестроен новгородцами. Другими городами Карелии были: Олонец (впервые он упомянут Уставом Святослава 1137 г., но как город существует с 1649 г., когда в связи с захватом шведами г. Корелы здесь была построена крепость²⁰), Кемский и Сумский острожки — военные сооружения на побережье Белого моря, небольшое торговое поселение — Повенецкий рядок на северо-восточном берегу Онежского озера, Кемь, Пудож и Повенец, которые с конца XVIII в. считались уездными городами.

В конце XIX — начале XX в. в отдельных пунктах Карелии начинают зарождаться поселения типа рабочих поселков, например — Попов остров подле Кеми и небольшой поселок на месте современного г. Медвежьегорска²¹.

Типы заселения в пределах Карелии обладают относительно большой устойчивостью. Источники рубежа I и II тысячелетий н. э. и более поздние позволяют говорить о сохранении древней традиции селиться в прибрежьях рек и озер. К двум существовавшим ранее разновидностям прибрежного типа заселения добавляется третья — приморская, вызванная к жизни более высоким феодальным способом производства и интенсивным процессом русской колонизации Беломорья. В течение всей феодальной эпохи характер заселения в Карелии почти не менялся: прибрежный тип заселения в ту эпоху решительно преобладал²².

Хотя поселения «на озере» и «на реке» (ср. современные топонимы: Суоярви, Аконъярви, Толлойоки и т. п.) в писцовых книгах и составляют подавляющее большинство, нельзя все же пройти мимо того факта, что небольшой, но все же заметный процент (по подсчету М. В. Витова — 3—4%) составляют водораздельные, придорожные поселения (их называют сележными — от «сельга» — хребет, возвышенность; ср. современные топонимы: Маасельга, Сууримяги, Сааримяги, где «мяги» означает «гора», и т. п.). В дальнейшем процент поселений сележно-водораздельного типа обнаруживал постоянную тенденцию к увеличению, в осо-

¹⁷ МИК, стр. 109, 118; ср. стр. 104, 112—113, 120.

¹⁸ В пределах Карелии из числа сельских поселений известны также селища, усадьбы и выставки, но они упоминаются в источниках крайне редко и мы их касаться не будем.

¹⁹ Карельские эпические песни, стр. 113, 117, 135, 245.

²⁰ Дополнения к актам историческим, т. III, СПб., 1848, стр. 225 и сл.; Очерки истории Карелии, т. I, Петрозаводск, 1957, стр. 132.

²¹ И. М. Мулло, По родному краю, Петрозаводск, 1955, стр. 77.

²² М. В. Витов, Приемы составления карт поселений, «Вопр. источниковедения», т. V, 1956, стр. 259 и сл. См. также в кн.: «Английские путешественники в Московском государстве в XVI в.», Л., 1937, стр. 66.

бенности со второй половины XIX в.: списки населенных мест 1868 и 1879 гг. уже довольно часто говорят о поселениях «при колодцах».

Взаимная группировка поселений на территории Карелии по преимуществу представлена двумя типами расселения: гнездовым²³ и разбросанным хуторским. Эти типы принципиально различны по происхождению и времени возникновения. Гнездовой тип расселения, отмеченный исследователями во второй половине XIX и начале XX в. по всему Русскому Северу, наличествует в Карелии повсюду. Формирование его уходит своими истоками, надо полагать, к рубежу I и II тысячелетий н. э. Изучение писцовых книг приводит к убеждению, что он получил распространение почти по всей средневековой Карелии, исключая, быть может, лишь самые северные ее окраины.

Единство гнезда подчеркивается не только чисто топографической близостью входящих в него деревень, но и тем, что гнездо в целом имеет одно общее название наряду с названиями каждой деревни в отдельности. Важно отметить, что если отдельные деревни подчас имеют русские названия, то наименования гнезд почти всегда финно-угорские. Эти обобщенные названия гнезд имеют, как правило, патронимические окончания: в русских вариантах -ци, -чи, -ичи; в карельских вариантах -la (ср. Гонгиничи, Нурмолицы, Ребола, Сондала). Упоминаемые в карельских рунах названия Калевала, Похьёла (или Саариола), Пяйвёла, Осмола — все это суть названия обобщенные, обозначающие поселения значительных коллективов, возможно, патриархально-родового характера.

Разбросанно-хуторской тип расселения («huutori», «oma tua») встречается в Северной Карелии несколько реже, чем гнездовой; он получил здесь гораздо меньшее распространение, чем в соседней Финляндии или в Эстонии. Возник этот тип сравнительно недавно — приблизительно в течение прошлого столетия, задолго до столыпинской реформы. Социальной основой его формирования явилось развитие капиталистических отношений в своеобразных природных условиях Северной Карелии, а также слабость сельской общины. Расселение карелов в этих наиболее северных районах было сопряжено с необходимостью отыскивать удобные для земледелия участки, которые там встречаются лишь в виде маленьких клочков.

Формы поселений в Карелии отличаются значительным разнообразием. Собственно о формах поселений возможно говорить приблизительно лишь с XVI в. Дело в том, что до этого, насколько можно судить по имеющимся материалам, в Карелии основной «формой» поселения была однодворная или двухдворная деревня²⁴.

Лишь в XVI в. (в Водской пятине несколько раньше, а в Обонежской позднее) появляются поселения, состоящие из 5—10 и более дворов. Процесс постепенного увеличения поселений нашел отражение в рунах; в одной из них, например, говорится:

«Уже я побывала в десяти деревнях,
И нет той деревни,
Где не было бы десяти домов»²⁵.

²³ М. В. Витов, Гнездовой тип расселения на русском Севере и его происхождение, «Сов. этнография», 1955, № 2.

²⁴ М. В. Витов, Историко-географические очерки Заонежья XVI—XVII веков, стр. 143; его же, Формы поселений Европейского Севера и время их возникновения, «Краткие сообщ. Ин-та этнографии», XXIX, стр. 30—37.

²⁵ Карельские эпические песни, стр. 170; ср. стр. 364.

Но даже в середине XIX в. и позднее малодворность поселений была характернейшей чертой Карелии. К. Бергштрессер в конце 1830-х гг. обнаружил в Олонецкой губернии всего шесть поселений, которые имели свыше 50 дворов; 1209 поселений, имевших от 10 до 50 дворов, и 3417 поселений, не насчитывавших и 10 дворов²⁶.

Благоприятное стечение экономических условий, расположение некоторых поселений на стыках торговых путей (в особенности водных), путей сплава леса и т. п. способствовали росту некоторых поселений, среди которых появились такие сравнительно крупные, как Ухта, Паданы, Рыбрека и проч. Планировка в древности даже наиболее крупных поселений, видимо, была беспорядочной. Беспорядочность застройки в качестве пережитка отмечена позднейшими наблюдателями во второй половине XIX — начале XX в.²⁷; в некоторых местах это явление заметно и теперь.

Можно думать, однако, что беспорядочная планировка деревень уже в XVI в. не является единственной. Имеются некоторые указания на существование в Поморье рядовых и, быть может, даже уличных поселений, вытянутых вдоль морского берега²⁸. В карельских рунах упомянуты «улицы» («пиха») и «длинные закоулки Похьёлы»²⁹. Все же лишь вторая половина XIX — начало XX в. явились временем интенсивной перепланировки деревень в связи с повышением значения колесных (гужевых) дорог в качестве экономических артерий края.

* * *

Проделанная классификация поселений Карелии по исторически сложившимся типам поселений, заселения и расселения, а также формам поселений дает возможность наметить некоторые местные особенности размещения этих категорий в их взаимной увязке, установить локальные (зональные) различия, так как сочетания классификационных признаков неодинаковы по районам.

Наметить точные границы отдельных зон, имеющих некоторые специфические особенности расположенных внутри них поселений, едва ли удастся: эти границы довольно расплывчаты, речь идет часто о большей или меньшей степени выраженности того или иного признака и лишь в редких случаях о различных признаках. Кроме того, на протяжении нескольких последних десятилетий происходили довольно интенсивные перепланировки, которые заметно изменили общий вид многих поселений.

В основу предлагаемой нами классификации по зонам положены только сельские поселения Карелии. В пределах Карелии таких зон может быть намечено четыре: северокарельская, поморская, южнокарельская (с равнинно-олонецкой подзоной) и заонежская³⁰.

Северокарельская зона ограничивается на севере административной границей Карельской АССР и Мурманской области, на западе — государственной границей с Финляндией, на востоке она почти вплотную примыкает к Карельскому Поморью, а на юге местами опускается почти до 63° с. ш.

²⁶ К. Бергштрессер, Опыт описания Олонецкой губернии, СПб., 1838, стр. 41.

²⁷ См. И. В. Оленев, Карельский край и его будущее в связи с постройкой Мурманской железной дороги, Гельсингфорс, 1917.

²⁸ МИК, стр. 301.

²⁹ Карельские эпические песни, стр. 51, 113, 118.

³⁰ Под Заонежьем здесь подразумевается не только Заонежский полуостров, но и вся территория, примыкающая к восточному берегу Онежского озера.

Для северокарельской зоны характерно следующее сочетание признаков. Общий для всей Карелии тип поселения — деревня — дополняется хутором. Тип заселения преимущественно озерный. Тип расселения в общем гнездовой, но эти «гнезда» выражены не всегда достаточно явно. В пограничных северо-западных местностях они вообще отсутствовали; здесь господствовал разбросанный (хуторской) тип расселения³¹. Гнездовой тип проявляется все более отчетливо при движении с северо-запада на юго-восток.

Наибольший интерес представляют северокарельские поселения с точки зрения их формы. Планировка деревень здесь беспорядочная. И. В. Оленев в 1900-х годах отмечал, что «дома, как и в большинстве карельских селений, построены вразброс, без всякого порядка и отделяются один от другого огородами, засеваемыми репой и картофелем, а в некоторых местах между избами виднеются полосы с рожью и ячменем»³².

С востока к северокарельской зоне примыкает поморская, вытянувшаяся узкой и длинной полосой вдоль Карельского берега Белого моря от Черной речки и Нильмогубы на севере и до Нюхчи на юге. Типы поселений в Поморье представлены деревнями и селами³³. Тип заселения — приморский (поселение вытянуто вдоль морского берега), он часто сочетается с речным, так как поселения в Поморье издревле основывались на устьях рек и речек, впадающих в море, что было связано с удобствами рыболовного промысла. В ряде случаев встречается только речной тип. Взаимная группировка поселений своеобразна и представляет собой сочетание сел с «тянущимися» к ним немногочисленными деревнями, часто отстоящими на значительном расстоянии; при этом село расположено на морском побережье, а деревни, как правило, в глубине материка.

Размеры сел довольно крупные (от 50 до 200 домов)³⁴. Постройки располагаются сравнительно компактно. Формы поселений в поморской зоне, как правило, рядовые, лишь изредка в одном и том же крупном поселении проступает сочетание рядовых форм с беспорядочной застройкой, но первые решительно преобладают. Чрезвычайно характерно наличие деревянных уличных мостков (настилов, тротуаров).

Южнее, приблизительно с 63° с. ш., начинается другая область, которую мы называем южнокарельской зоной. Эта зона выделяется наименее четко. Типы поселений, распространенные здесь, — погост и деревня. Особо нужно отметить наличие погостов, почти не встречающихся на Карельском севере и во все не известных в Поморье. Размеры отдельных поселений небольшие (в среднем 10—30 домов). Типов заселения три: речной, озерный и сележный. Преобладает, видимо, речной тип (по подсчету И. И. Сорочинской-Горюновой, в восточном Приладожье к нему относится до 40% всех поселений)³⁵. Тип расселения — четко выраженный гнездовой. Гнездо имеет обычно общее название, часто с патронимическим окончанием. Входящие в состав гнезда мелкие поселения

³¹ Ср. Л. Л. Капица, Материалы для этнографической характеристики Кондопожского и Вокнаволоцкого районов северо-западной Карелии, «Западнофинский сборник», Л., 1930, стр. 22. В настоящее время хуторов почти не осталось; их бывшие владельцы переселились в более крупные поселения, перевезя туда свои дома.

³² И. В. Оленев, Указ. соч., стр. 58—59 и 74.

³³ Особый тип, известный на Мурманском побережье, — становища — временные поселения, обитаемые только в период путины, в Карельском Поморье не распространены.

³⁴ См. А. П. Энгельгардт, Русский Север, СПб., 1897, стр. 46, 50; ср. С. Максимов, Год на Севере, СПб., 1864, стр. 139 и 310.

³⁵ И. И. Сорочинская-Горюнова, Типы населенных пунктов восточного Приладожья, «Изв. ВГО», 1946, т. 78, вып. 2, стр. 185.

имеют отдельные названия; иногда у гнезда и у деревни бывает два и даже три названия: одно — официальное русское, другое — местное (Обжа — Пижи, Лояница — Кууярвь и т. д.). Форм поселений три: беспорядочная, прибрежно-рядовая и уличная. Преобладают рядовые и уличные формы.

В составе южнокарельской зоны выделяется равнинно-олонецкая подзона. Она охватывает территорию Олонецкой равнины, в особенности по нижнему течению рек Мегреги и Олонки. Характерной особенностью этой подзоны — при сохранении всех признаков, свойственных южнокарельской зоне, — следует считать чрезвычайную скученность поселений, срастание их чуть ли не в единое огромное поселение³⁶. В связи с этим гнездовой тип расселения здесь особенно четко виден³⁷. Планировка поселений, вытянутых вдоль Олонки и Мегреги, имеет рядовые формы.

Восточнее южнокарельской зоны располагается заонежская, занимающая территорию Выгозерья, Пудожского края и весь Заонежский полуостров. Типы поселений здесь те же — погост и деревня. Размеры поселений небольшие (в среднем 7—10 дворов)³⁸. Типы заселения характеризуются тяготением к воде — заливам, речкам и озерам; преобладают озерный и сележный (придорожный) типы заселения. Гнезда поселений выражены явственно. Особенность их та, что поселения внутри гнезда довольно широко разбросаны и почти нигде не срастаются. Население в этой зоне русское, но названия гнезд — карельские (Гаккугса, Суйсари, Кузаранда, Салмозеро и др.). Формы поселений разнообразны: беспорядочная застройка сочетается с рядовыми и уличными формами; здесь встречаемся также с деревнями кругового плана. Таких деревень правда, известно только три, и все они — в б. Шунгской волости³⁹.

* * *

Сопоставление поселений карелов и окружающих народов приводит к заключению о существовании в прошлом определенных культурных связей между ними. Типы поселений, например, по всему Европейскому Северу СССР одинаковы: деревни и погосты распространены у русских, коми, марийцев, вепсов и др.

Характер и направление этих связей должны были обуславливаться многими причинами, среди которых первенствующую роль играли, разумеется, экономические факторы, на основе которых разворачивались языковые и культурные взаимодействия⁴⁰. Весьма давние, можно сказать, всеобъемлющие связи карелов с русскими повлияли на распространение таких типов поселений, как погост и деревня. Напротив, довольно ограниченные, локальные и поздние связи северных карелов в приграничных местностях с финнами сказались в формировании здесь хуторов⁴¹.

³⁶ Ср. М. А. Крукровский, Олонецкий край, СПб., 1904, стр. 24—26; ср. также К. Бергштрессер, Указ. соч., стр. 36.

³⁷ ЦГА КАСР, ср. 33, оп. 51, д. 66, л. 3 об и 4 (план Ильинской дачи 1845—1846 гг.).

³⁸ См., например, ЦГА КАСР, ф. 33, оп. 63, дд. 1/34 и 1/39; оп. 72, д. 20/41; оп. 64, д. 4/169; «Олонецкие губ. ведомости», 1891, № 80, ср. № 81 (заметка «Толвуйский приход»).

³⁹ ЦГА КАСР, ф. 33, оп. 63, 14/376; оп. 64, 2/63.

⁴⁰ Ср. В. В. Пименов и Е. М. Эпштейн, Русские исследователи Карелии (XVIII в.), Петрозаводск, 1958, стр. 154—155.

⁴¹ Я. Грано, Заселение. В сб.: «Финляндия», М., 1953, стр. 342 сл.; ср. Н. Н. Харузин, Очерк истории развития жилища у финнов, М., 1895, стр. 37.

Выделение зональных различий по всем четырем положенным в основу классификации признакам позволяет поставить вопрос о карельско-вепсских взаимоотношениях, являющийся одним из центральных при решении проблем этнической истории карелов. На основании классификации поселений нами выделены две зоны — северокарельская и южнокарельская. Жители первой зоны говорят на собственно карельском диалекте, в южной зоне живут людик и ливики. Это совпадение едва ли случайное. Можно думать, что в нем отразилось то обстоятельство, что в формировании карельского народа приняли участие два этнических компонента — собственно карелы и вепсы.

Гнездовой тип расселения, характерный для южнокарельской зоны, но слабо выраженный в пределах северокарельской, распространен также у северных великорусов, коми и вепсов⁴². Очень трудно сказать, у какого из этих народов гнезда поселений возникли раньше. Возможно, что такой тип расселения выработался конвергентно в сходных условиях общинно-патронимического быта в процессе расселения по слабо освоенному району. Однако нельзя не обратить внимания на то, что наибольшее развитие гнездовой тип получил в южном Присвирье и его распространение за пределами этого района может быть поставлено в зависимость от вепсского культурного влияния на окружающие народы: еще в XI в., насколько это известно по археологическим данным, древневепские курганные могильники юго-восточного Приладожья располагались группами, «гнездами»; это, естественно, заставляет предполагать, что и поселения того времени также располагались «гнездами»⁴³. Подробное изучение карельско-вепсских связей по этнографическим данным приводит к заключению, что южные группы карелов (ливик и людик) имеют в своей культуре значительно больше черт сходства с вепсами, чем северные карелы. Мы видим в этом существенное подтверждение концепции Д. В. Бубриха по вопросу о происхождении карельского народа⁴⁴.

Интересные связи выявляются по формам поселений. Исследователи не раз отмечали наличие у ряда финно-угорских народов беспорядочной планировки деревень⁴⁵; она существовала у карелов (чаще у северных и реже у южных), вепсов, коми⁴⁶, встречалась у финнов и некоторых других народов. В ряде случаев такая планировка зафиксирована у северновеликорусского населения (в малозаселенных лесных местностях вдали от больших рек), хотя по преимуществу здесь были распространены рядовые формы.

Конкретно-исторический подход к изучению форм поселений не дает возможности рассматривать беспорядочную планировку как общий и исходный для всех (или значительной части) перечисленных народов признак, будто бы свидетельствующий об их исконном культурном родстве; ведь многодворные поселения, как сказано, появились лишь в конце XVI — начале XVII в., когда указанные народы уже расселились на значительном удалении друг от друга и непосредственные культурные

⁴² В. Н. Белицер, Очерки по этнографии народов коми XIX — начала XX в., М., 1958, стр. 162 сл.; В. В. Пименов, Поездка к прионежским вепсам, «Сов. этнография», 1957, № 3, стр. 159.

⁴³ Ср. А. М. Линевский, Новое о прошлом Южной Карелии, «На рубеже», 1951, № 1, стр. 84—85.

⁴⁴ В. В. Пименов, К вопросу о карельско-вепсских культурных связях, «Сов. этнография», 1960, № 5.

⁴⁵ Н. Н. Харузин, Указ. соч., стр. 36, сл.

⁴⁶ В. Н. Белицер, Указ. соч., стр. 154, сл.; ср. Л. Н. Жеребцов, Опыт изучения крестьянского жилища народа коми, «Истор.-филол. сб. Коми филиала АН СССР», вып. 3, Сыктывкар, 1956, стр. 32.

воздействия их друг на друга были весьма слабы. Невозможно предположить, чтобы беспорядочная планировка у северных карелов и коми-зырян могла быть возведена к одному и тому же источнику. Однако в отдельных случаях такие культурные воздействия предполагать допустимо: наличие беспорядочной планировки у южных карелов можно объяснить вепским влиянием; в пределах Архангельской области и у коми-зырян та же форма поселений рассматривается В. М. Витовым как результат чудского влияния⁴⁷ (в сущности, тоже вепского). Развитие уличных форм поселений позволительно связывать с воздействием русской колонизации (ср. уличную планировку поселений в Карельском Поморье, на Заонежском полуострове и в Пудожском крае).

* * *

За годы Советской власти поселения Карелии претерпели большие изменения. Это был сложный процесс, протекавший в тесной зависимости от социальных и экономических причин — коллективизации сельского хозяйства и развития социалистической промышленности в крае.

Этнический состав населения республики изменился самым существенным образом. Бурный рост лесозаготовок, промышленности, водного и железнодорожного транспорта и т. д. потребовал привлечения большого числа рабочих из-за пределов Карелии. Теперь около половины населения республики составляют карелы, вепсы и старожильское русское население, а другая половина состоит из прибывших сюда работать и жить русских, украинцев, белорусов, финнов, литовцев, мордвы и представителей иных национальностей.

Развитие поселений в советской Карелии наиболее ярко сказалось в резком увеличении числа населенных пунктов, выросших при промышленных предприятиях — новых городов и рабочих поселков. Значительная часть сельских жителей переселилась в города и поселки; сокращение числа жителей в деревнях послужило одной из причин концентрации сельских поселений. Дело, однако, не только в количественном росте населенных пунктов, но и в глубоких качественных переменах, которые произошли и в наше время продолжают совершаться в типах поселений, заселения, расселения и в формах поселений.

Развитие состояло не только в том, что за послеоктябрьский период появились новые типы поселений, но и в том, что некоторые старые типы изменили свою социальную сущность, значительно сократились численно или вовсе исчезли.

Так, полностью изменились роль и значение прежних погостов. С закрытием церквей они перестали быть религиозными центрами, но остались административными: здесь обычно находится сельский совет, контора подсобного хозяйства или совхоза⁴⁸. Самый термин «погост» стал употребляться в значении «большое» или «центральное поселение». В процессе проведения коллективизации сельского хозяйства исчезли из жизни хутора как особый тип поселения.

Деревни продолжают существовать, но в облике их заметно много новых черт. Центральные места в деревне занимают здания сельского совета, клуба (во многих случаях под клубы переоборудованы здания бывших церквей) и магазина. Одно из лучших мест отводится для

⁴⁷ М. В. Витов, *Формы поселений Европейского Севера и время их возникновения*, стр. 36.

⁴⁸ Р. Ф. Тароева, *Материальная культура северных карел во второй половине XIX в. и первой половине XX в.* (автореферат канд. дисс., М., 1954).

школы. Риги, амбары, мельницы уходят из быта. Их заменили совхозные зерносушилки, склады. За деревней располагаются животноводческие фермы, ремонтные мастерские, электростанция и т. п.⁴⁹

Сохраняются четыре основных типа размещения сельских поселений в зависимости от особенности ландшафта — приморский, речной, озерный и сележный. Однако удельный вес последнего типа весьма повысился, что обусловлено интенсивным развитием дорожного строительства.

Значительные перемены наблюдаются в типах расселения. В первые годы существования Советской власти в крае большинство сельских поселений представляло собою малодворные деревни, группировавшиеся отдельными гнездами⁵⁰. Однако в дальнейшем начался интенсивный процесс укрупнения деревень, особенно усиленный колхозным движением. Разрушенные в период Великой Отечественной войны мелкие поселения, как правило, не восстанавливались на прежних местах; а жители предпочитали строиться в более крупных деревнях. В послевоенные годы процесс укрупнения поселений за счет мелких происходил еще более интенсивно и, видимо, будет идти и дальше.

В тесной связи с этим процессом стоит особенно усилившееся в советское время формирование сросшегося гнездового типа расселения, который в дореволюционный период лишь начинал вырисовываться. Он распространен почти по всей Карелии, но особенно заметен в южной ее части (Шокша, Ладва, Пряжа, Куйтежи, Спасская Губа и мн. др.). Названия отдельных деревень, которые почти полностью срослись между собою, еще сохраняются в обиходе. Наряду с этим сохраняется и обычный гнездовой тип расселения. Деревни, составляющие гнездо, входят обычно в один совхоз.

С начала 1930-х годов начинается вытеснение характерной для прошлого беспорядочной планировки — уличной⁵¹. Поселения с беспорядочной планировкой сохраняются ныне крайне редко. Значительно чаще встречаются деревни со смешанной планировкой — центральная часть такого поселения представляет собой двустороннюю улицу, а на окраинах еще заметна беспорядочная застройка. Еще чаще можно встретить поселения прибрежно-рядовой планировки. Однако и здесь имеется стремление придать таким поселениям некоторые элементы уличной застройки: перед фасадами домов, обращенными к берегу реки, теперь обычно проходит дорога, а в ряде случаев на противоположной стороне дороги вырастает вторая сторона улицы, дома которой обращены к реке дворами. В целом же по республике преобладают уже уличные формы планировки⁵². В наиболее крупных сельских поселениях, особенно в районных центрах, делаются попытки перехода к квартальной застройке.

В общем облике современных сельских поселений Карелии своеобразно сочетаются традиционные и новые черты. Экономическое и культурное развитие края приводит к лучшему оснащению поселений средствами коммунального и культурного обслуживания. Клуб, школа, медицинский пункт или больница, ветеринарный пункт, почта, телефон, электрификация и радиофикация — вот те элементы, из которых складывается характеристика современной деревни.

⁴⁹ Ср. «Будни Севера», Очерки, Петрозаводск, 1956, стр. 109.

⁵⁰ Ср. Е. Ф. Бартольд, В сердце Карелии, Л.—М., 1932, стр. 23.

⁵¹ А. А. Иванов, Карелия, Петрозаводск, 1928, стр. 43. Ср. М. Поляновский, От Онега до Белого моря, М., 1931, стр. 137.

⁵² Ср. Р. Ф. Тароева, Указ. раб., стр. 9.

* * *

Разумеется, в первые послереволюционные годы сельские типы поселений продолжали преобладать не только численно, но и по количеству жившего в них населения. Но уже в 20-е и, в особенности в 30-е годы на территории Карелии массовое развитие получает такой тип поселения, как рабочий поселок, представленный в предреволюционное время лишь в единичных случаях⁵³.

В связи со строительством новых социалистических предприятий возникают поселки рабочих-строителей, а затем и рабочих, занятых на построенных предприятиях; таковы Кондострой (при целлюлозно-бумажном предприятии), Медвежья Гора (поселок им. Ф. Э. Дзержинского)⁵⁴, поселок Управления Онежских разработок диабаз (близ Рыбреки) и др. Позднее реконструировались старые и возникли новые поселки — Рабочеостровск (б. Полов остров), Надвоицы (при Надвоицком алюминиевом комбинате), Сосновец и т. д.

По характеру отношения к местным природно-географическим условиям эти поселения подразделяются на две категории — зональные (т. е. прямо зависящие от указанных условий, например, поселки рабочих-лесозаготовителей) и азональные (их связь с местными природными условиями более опосредствована). Ко второй категории следует отнести поселки, выросшие при железнодорожных станциях (со времени строительства Мурманской железной дороги в 1914—1917 гг.) и некоторых пристанях. Однако ряд рабочих поселков азонального типа сформировался на основе бывших деревень или же поселков рабочих-лесозаготовителей, мимо которых прошла железная дорога, так что их азональность является относительной.

Развитие лесозаготовительной промышленности привело к появлению уже в конце 1920 — начале 1930-х годов совершенно нового, до того неизвестного типа поселения — лесных рабочих поселков, в которых расселились постоянные кадры лесозаготовителей. В те годы поселки формировались из стросний барачного типа, теперь же они застраиваются щитовыми, стандартными и рублеными домами. В последние годы появилось много домов индивидуальных застройщиков. Типичный пример такого поселения — возникший в 1951 г. поселок Верхне-Олонецкого лесопункта в Южной Карелии.

Формирование нового типа лесного поселка отражает стремление максимально приблизить рабочих и технику к основному объекту эксплуатации — лесу и в то же время обеспечить жителей наибольшими удобствами. В Карелии — республике развитой лесозаготовительной промышленности — строительство подобных лесных поселков получило значительный размах. Уже в 1957 г. имелось 324 поселка лесных рабочих⁵⁵.

Финский исследователь О. Суоминен, обсуждая вопрос об условиях, в которых трудится лесоруб в Финляндии, замечает: «Его рабочее место должно быть тесно связано с его домом. Идеальными были бы такие условия, когда рабочий мог бы утром уйти на работу, а вечером вернуться к семье»⁵⁶. В Карелии это уже давно перестало быть проблемой.

⁵³ Поэтому неправ А. М. Линевский, который в работе, написанной в 1940 г., ограничивается лишь упоминанием сельских поселений, ничего не говоря о рабочих поселках (см. А. М. Линевский, Карелия, сб. «Сов. этнография», 1941, т. V, Л., стр. 96).

⁵⁴ Е. Бартольд, Карелия и Мурман, М.—Л., 1931, стр. 42.

⁵⁵ См. журнал «Лесная промышленность», 1957, № 10, стр. 23.

⁵⁶ Oiva Suominen, Metsätyömiestylä. Ehdotus vakinaisten metsätyömiestperheiden asuntokysymyksen järjestelyksi, «Silva fennica», Helsinki, 1955, № 86, стр. 16.

Своим обликом, происхождением, ритмом жизни, культурными особенностями рабочие лесные поселки отличаются от сельских поселений. Они лучше связаны с центром, лучше оснащены средствами культурного и коммунального обслуживания населения, более многочисленны. Вид лесного поселка своеобразен. Торчащие из земли или выкорчеванные, но не увезенные пни напоминают о том, что здесь был таежный лес. У здания клуба и магазина вывешены афиши вечерних киносеансов. На улицах — щиты наглядной агитации. Тотчас за поселком начинается лес.

Если традиционные типы расселения складывались стихийно, то в размещении новых поселений видно влияние планового начала. Рабочие поселки, новые города были построены в пунктах, расположенных вблизи источников сырья и связанных хорошими коммуникациями с другими экономическими центрами. Эти новые поселения сравнительно независимы от условий рельефа местности.

Взаимное расположение горнозаводских и транспортных поселков едва ли поддается какой-либо группировке. Что же касается лесных поселков рабочих-лесозаготовителей, то здесь мы сталкиваемся с чем-то напоминающим гнездовой тип размещения деревень. Очень характерны для Карелии центральные лесные поселки, как правило, наиболее крупные⁵⁷. По мере вырубания леса вблизи такого поселка возникала необходимость создавать периферийные поселки лесопунктов. Они связаны с центральным поселком сетью автомобильных, а также линиями узкоколейных железных дорог. Примерами центральных лесных поселков могут служить Чална, Кривцы и т. д.⁵⁸

Между деревнями и рабочими поселками существуют тесные связи, особенности которых исторически изменялись и накладывали свой отпечаток на общий характер типов расселения. Обратимся к данному, собранному в Верхнем Олонце этнографической экспедицией Карельского филиала АН СССР в 1960—1961 гг.

Этот поселок вырос в окружении истари существовавших здесь деревень карелов-ливвиков и очень скоро стал центром своеобразного микрорайона. Помимо Верхнего Олонца, в него входят два поселка рабочих-лесохимиков и несколько деревень (Лисья Сельга, Матчозеро, Вагвозеро, Кескозеро и др.). Внутри этого микрорайона сложились довольно тесные производственные, хозяйственные, культурные, родственные и иные связи. В 45 км от Верхнего Олонца находится более старый лесопункт — пос. Ковера, возникновение которого относится к 1930-м годам. Вокруг него также образовался свой микрорайон.

В довоенный период взаимоотношения между лесопунктами и окрестными деревнями ограничивались, как правило, тем, что крестьяне (позднее — колхозники) нанимались по сезонам на заготовку и сплав леса. В послевоенный период эти связи становятся сложнее и многограннее. Формируются постоянные кадры лесозаготовителей, заметную часть которых составили выходцы из деревень микрорайонов (в Верхнем Олонце — 47% рабочих). Растут и благоустраиваются лесные поселки. В них складываются крупные рабочие коллективы. Строятся дороги. Налаживается производственная и хозяйственная взаимопомощь между рабочими поселками и деревнями микрорайонов. Жители этих деревень пользуются услугами культурных, медицинских и бытовых учреждений, размещенных в поселках.

⁵⁷ См. «Карельская АССР», М., 1956, стр. 165.

⁵⁸ А. Старогин, А. Капустин, Л. Каган, Путешествие на Кивач, Петрозаводск, 1952, стр. 20.

Таким образом, характер расселения изменился и не может быть сведен к типам, выявленным на основе изучения сельских поселений. В качестве первого опыта рассмотрения такого комплекса сельских и промышленных поселений в их взаимной увязке можно предложить выделить тип расселения микрорайонами.

Развитие форм поселений за годы Советской власти шло по линии повышения удельного веса уличной и отчасти улично-квартальной планировки. В транспортных поселках планировка всегда уличная, в горнозаводских и лесных — кварталнo-уличная.

* * *

Социалистический город — тип поселения, сформировавшийся за годы Советской власти. Старые города Карелии (Петрозаводск, Олонец, Кемь, Пудож) после Октябрьской революции подверглись глубокой реконструкции. На базе ряда рабочих поселков выросли новые города, которых не было на картах бывших Олонецкой и Архангельской губерний — Кондопога (б. пос. Кондострой), Медвежьегорск, Сегежа, живущие своеобразной и сложной культурной жизнью⁵⁹. Всего в Карелии 12 городов⁶⁰.

Вопрос об этнографическом исследовании города как типа поселения в науке не разработан. В Карелии изучение городов до сих пор велось исключительно в рамках решения чисто краеведческих задач⁶¹. Однако даже тот небольшой опыт, который накоплен в этом отношении краеведами, свидетельствует о том, что этнографический аспект изучения городов является весьма многообещающим.

Этнический состав населения городов различен: Олонец, например, чисто карельский город в отличие, скажем, от чисто русского по составу населения Беломорска. Различна и история их возникновения: Пудож и Олонец выросли из бывших погостов, а Петрозаводск и Медвежьегорск возникли на «пустом» месте. Здесь мы остановимся на двух моментах этнографической классификации городов Карелии — их размещении в связи с географическими особенностями местности и их планировке.

Обращает на себя внимание тот факт, что почти все города Карелии так или иначе связаны с водоемами. Петрозаводск, Кондопога и Медвежьегорск расположены на берегах Онежского озера, Сегежа — на берегу залива Выг-озера, Кемь и Беломорск — на Карельском берегу Белого моря, Олонец — при слиянии Мегреги с Олонкой, а Пудож — в нижнем течении Водлы и т. д. Естественно желание отнести города республики к одному прибрежному типу, выделив в нем три подтипа — прибрежно-озерный, приморский и речной. Вместе с тем необходимо учитывать, что степень зависимости городских поселений от прибрежного положения в различных случаях далеко не одинакова. Если,

⁵⁹ Ср. В. А. Гаврилов, География Ленинградской области и Автономной Карельской ССР, М.—Л., 1928, стр. 108; К. В. Чистов, Литературно-художественная культура социалистической Сегежи, «Изв. Карело-финского филиала АН СССР», 1950, № 2.

⁶⁰ Карельская АССР, стр. 163.

⁶¹ См.: Ф. И. Егоров, Олонец. Историко-краеведческий очерк о городе и районе, Петрозаводск, 1959; И. Кийранен, Петрозаводск, Петрозаводск, 1955; И. М. Мулло, Медвежьегорск. Краткий историко-краеведческий очерк о городе и районе, Петрозаводск, 1959; В. Пименов, Пудож. Очерк о городе и районе, Петрозаводск, 1957; И. Н. Тихонов, Кемь. Краткий историко-краеведческий очерк о городе и районе, Петрозаводск, 1958; Б. А. Юргенс, Большая Кондопога, Петрозаводск, 1960; В. Яблочков, Сегежа, Петрозаводск, 1957.

например, Пудож как населенный пункт в целом застраивался не столько вдоль реки, сколько в сторону от нее, то Кемь или Беломорск, расположенные на островах, образованных протоками рек Кеми и Выга, прижатые к берегу высокими отвесными грядками скал, в своем развитии испытывали значительно большую зависимость от природных условий.

Большой интерес представляют особенности планировки городов Карелии. Конечно, в городах господствуют уличные и квартально-уличные формы застройки. Однако конкретное выражение этих форм в отдельных городах очень различно. Город Суоярви, например, представляет собой чрезвычайно вытянутое поселение, состоящее фактически из одной улицы-двусторонки. В Олонце мы встречаемся также с двусторонками, но они здесь расположились вдоль течения Мегреги и Олонки, а также Куйтежской дороги.

С точки зрения развития городской планировки представляет интерес исторически сложившееся внутреннее чисто бытовое деление городов на отдельные районы. Возьмем в качестве примера Петрозаводск; в нем легко различимы следующие районы, названия которых прочно бытуют среди населения: Центр, Зарека, Голиковка, Кукковка, Перевалка, Кировский поселок, Сулажгора, Рыбка. Это деление отражает определенные этапы истории застройки города: Зарека и Голиковка — районы расселения рабочих дореволюционного Александровского завода, Сулажгора — результат слияния с городом деревни того же названия и т. д. Застройка отдельных районов отличается своеобразием. Если центральная часть города застроена большими каменными зданиями, то в Кировском поселке мы встречаемся со стандартными деревянными двухэтажными брусевыми домами, а Перевалка и Кукковка — районы почти сплошной индивидуальной застройки.

* * *

Развитие типов и форм поселений, как видим, отражают общий исторический процесс смены социально-экономических формаций в крае. Каждая историческая эпоха внесла свои черты, наложила свой отпечаток и на поселения. Стоянки эпохи неолита и раннего металла, погосты и деревни феодальной поры, хутора периода капитализма, наконец, новые поселения нашего времени знаменуют собой этапы указанного процесса.

В нем нашло выражение развитие культуры народов, населявших Карелию с глубокой древности и до настоящего времени. Сложение своеобразного облика, колорита северной деревни с ее беспорядочно расположенными избами, с ее тяготением к воде, косыми изгородами и т. п. явилось определенным отражением местной культуры, что надолго закрепило традиций.

Эта традиционность деревни в Карелии в предреволюционный период позволяет наметить ряд местных особенностей в типах и формах поселений и выделить две зоны, связав их с собственно карельской и вепсской культурными традициями.

Громадные изменения совершились за годы Советской власти. За очень краткий исторический период, прерывавшийся разрушительной войной, удалось снабдить сельские поселения, города и поселки такими средствами обслуживания, как электричество и радио, магазины и пекарни, столовые и клубы, школы и почтово-телефонно-телеграфная связь. Появились новые типы поселений, улучшена их планировка. Все это свидетельствует о большом культурном росте населения Карелии.

SUMMARY

The article contains a classification of Karelia's settlements according to their historically formed types, describes the history of the settlement of the country and traditions of the people in choosing the site for settlement. On the basis of a study of the rural settlements four zones are indicated: North Karelian, Maritime, South Karelian (with the Olonets plains subzone) and Zaonezhskaya. There is a review of the connections of the Karelians with the neighbouring peoples: the older and stronger connections of the Karelians with the Russians (evidence is such widespread types of settlements as pogosts, which are groups of villages, and villages) and rather limited links with the Finns (khutors, which are separated farms). A supposition is made that two ethnic elements — Karelians proper and Wepps — were the component parts in the development of the Karelian people.

After the October Revolution, new types of settlements — lumbermen's settlements and towns — have appeared (they are described in detail in the article), while the old types of settlements have acquired a new social significance (pogosts, for example, have ceased to be religious centers) or disappeared altogether (khutors). The planning of the village has changed with the administrative and cultural center coming into existence in it.

Thus the development of the types and forms of settlements are shown to reflect the general historical process of change of social and economic structures.
